

КЛАССИЧЕСКИЙ ВОСТОК

DOI: 10.31696/S086919080031237-7

ИНКОРПОРИРОВАНИЕ КОЧЕВНИКОВ В ВОЕННУЮ
И АДМИНИСТРАТИВНУЮ СИСТЕМУ ОСЕДЛЫХ ПОЛИТИЙ:
НА ПРИМЕРЕ ХОРЕЗМА В ДОМОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОД¹.

© 2024

Д.М. ТИМОХИН ^а^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-9093-5269; horezm83@mail.ru

Резюме: Проблема инкорпорирования представителей кочевых племенных структур в состав оседлых политий обладает обширной историографией, однако в данной статье нами рассматривается конкретный пример подобного явления, проявившегося в истории Хорезма в годы правления там династии Ануштегинидов, то есть в XII – начале XIII в. Отдельные аспекты этой проблемы, безусловно, рассматривались исследователями, и сам автор статьи посвятил ей несколько более ранних работ, однако данная статья представляет собой, с одной стороны обобщение уже имеющегося научного опыта, а с другой – нацелена на то, чтобы выделить конкретные механизмы инкорпорирования кочевников в состав военной и административной системы, которые были использованы хорезмийскими правителями в течение их более чем столетнего правления. Как будет указано в этой статье, наиболее известные историкам механизмы вроде династических браков и последующего вовлечения кочевников в систему военного и административного управления редко упоминаются мусульманскими историками и географами применительно к истории династии Ануштегинидов. В то же время гораздо больше сведений о патронаже со стороны правящей элиты Хорезма в отношении представителей кочевой аристократии, что, с одной стороны, укрепляло положение отдельных политических акторов, а с другой – дестабилизировало обстановку внутри самой Хорезмийской державы и стало одной из ключевых причин начала монголо-хорезмийской войны. Также особое внимание в данной статье уделено такому механизму, как контроль над «фронтиром», который позволил хорезмийским правителям начиная с Ала ад-Дина Атсыза и его наследников принимать на военную службу не только отдельных кочевников, но и целые племенные объединения. Использование всех трех механизмов в совокупности позволило хорезмийцам существенно укрепить свои позиции в регионе, формируя таким образом империю с мощным военным потенциалом, но крайне неустойчивым внутренним управлением.

Ключевые слова: кочевники, оседлые культуры, Хорезм, Дешт-и Кыпчак, мусульманская историография

Для цитирования: Тимохин Д.М. Инкорпорирование кочевников в военную и административную систему оседлых политий: на примере Хорезма в домонгольский период. *Восток (Oriens)*. 2024. № 4. С. 26–37. DOI: 10.31696/S086919080031237-7

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00736 «Дешт-и Кыпчак и сопредельные оседло-земледельческие территории X–XIII вв.: опыт изучения взаимодействия культур (на материале письменных источников)» (<https://rscf.ru/project/23-28-00736/>).

INCORPORATION OF NOMADS INTO THE MILITARY AND ADMINISTRATIVE SYSTEM OF SEDENTARY POLITIES: THE EXAMPLE OF KHOREZM IN THE PRE-MONGOL PERIOD²

© 2024

Dmitry M. TIMOKHIN ^a

^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-9093-5269; horezm83@mail.ru

Abstract: *The problem of incorporation of representatives of nomadic tribal structures into sedentary polities has an extensive historiography, however, in this article we consider a specific example of such a phenomenon that manifested itself in the history of Khorezm during the reign of the Anushteginid dynasty there, that is, in the XII – early XIII century. Some aspects of this problem have certainly been considered by researchers and the author of the article himself devoted several earlier works to this, however, this article is, on the one hand, a generalization of existing academic experience, and on the other hand, it aims to highlight specific mechanisms for the incorporation of nomads into the military and administrative system that were used by the Khorezm rulers during their more than a century-long reign. As we will point out in this article, the most well-known mechanisms such as dynastic marriages and the subsequent involvement of nomads in the system of military and administrative management are rarely mentioned by Muslim historians and geographers. At the same time, there is much more information about patronage from the ruling elite of Khorezm towards representatives of the nomadic aristocracy, which on the one hand strengthened the position of individual political actors, and on the other hand, destabilized the situation inside the Khorezm state. Also, special attention is paid in this article to such a mechanism as control over the “frontier”, which allowed the Khorezm rulers to recruit not only individual nomads, but also entire tribal associations.*

Keywords: nomads, sedentary cultures, Khorezm, Desht-i Qipchak, Muslim historiography

For citation: Timokhin D.M. Incorporation of Nomads into the Military and Administrative System of Sedentary Polities: The Example of Khorezm in the Pre-Mongol Period. *Vostok (Oriens)*. 2024. No. 4. Pp. 26–37. DOI: 10.31696/S086919080031237-7

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Инкорпорирование представителей кочевых объединений в состав оседлых политий, то есть включение их в административную и военную систему, обладает значительной историографией, так что одно перечисление работ по данной проблематике справедливо превысило бы допустимые объемы статьи. Впрочем, даже конкретный исторический пример, а именно держава хорезмшахов из династии Ануштегинидов (1097–1220) и их опыт взаимодействия с кочевыми объединениями восточного Дешт-и Кыпчака в той или иной степени анализировался исследователями, начиная с классических работ В.В. Бартольда [Бартольд, 1963(1); 1963(2); 1968]. Впоследствии ни одно обобщающее исследование по истории Хорезмийской державы, равно как и по истории кочевых тюркских племен, не

² The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00736 “Desht-i Qipchak and adjacent settled agricultural territories of the X–XIII centuries: the experience of studying the interaction of cultures (based on written sources)” (<https://rscf.ru/en/project/23-28-00736/>).

могло не включать в себя хотя бы раздела, в котором бы разбиралась данная проблематика (см. например: [Kafesoğlu, 1956; Агаджанов, 1969; Golden, 1992; Ахинжанов, 1995]). В частности, в классической работе З.М. Буниятова преимущественно этому вопросу посвящена отдельная глава [Буниятов, 1986, с. 88–92], где автор отмечает: «Армия, которую собирали хорезмшахи в период образования государства, состояла из воинов-тюрок; войсковые подразделения и части формировались по племенному признаку. Даже в период расцвета государства, когда в войска рекрутировались представители других племен и народов, турки составляли основную и главную ударную часть» [Буниятов, 1986, с. 88]. Впрочем, справедливости ради стоит отметить, что и сам автор данной статьи посвятил анализу данной проблематики несколько более ранних исследований (см. например: [Тимохин, Тишин, 2016; 2018; 2022]). Однако, несмотря на указанную значительную историографическую базу, есть несколько важных моментов, которые способны вновь актуализировать вопрос об инкорпорировании представителей кочевых объединений в состав оседлых политий на примере Хорезма.

Сам по себе процесс включения в состав военной и административной элиты Хорезма представителей кочевых тюркских племен восточного Дешт-и Кыпчака является общим местом для большинства работ по истории Хорезмийской державы: исследователи внимательно описывали этот процесс в целом, равно уделяли внимание и отдельным его аспектам. При этом авторы практически не рассматривали специально то, как описывался процесс инкорпорирования кочевников в государственные и военные структуры Хорезма в составе мусульманских исторических и географических сочинений. Следовательно, и те механизмы, которые для этого использовали хорезмийские правители на протяжении XII – начала XIII в., также до сих пор не были осмыслены. Таким образом, данная статья призвана обобщить сведения из источников и историографии, а также выделить ключевые механизмы, благодаря которым власть Хорезмшахов на протяжении более столетия в военном и административном отношении опиралась в том числе на выходцев из кочевой среды. Несомненно, на фоне хорошо известных исследователям положительных для державы Хорезмшахов последствий, это позволит лучше понимать и те проблемы, с которыми столкнулись правители этой державы, включая в свой состав как представителей кочевой тюркской элиты, так и рядовых кочевников.

ДИНАСТИЧЕСКИЕ БРАКИ

Наиболее очевидным, на первый взгляд, способом включения в состав оседлых политий представителей кочевой элиты, равно как и рядовых кочевников, являются брачные союзы: именно за счет них правители Хорезма могли привлечь на свою службу целые племена и племенные союзы. Родственные отношения, таким образом, должны были бы стать ключевым фактором в том числе и для включения выходцев из кочевой среды в состав военной и административной системы, а также для использования военной силы кочевников для новых завоеваний. Однако в случае с правившей в Хорезме династии Ануштегинидов ситуация оказалась значительно сложнее: мусульманские авторы ничего не сообщают о династических браках между правителями этого правящего рода и представителями кочевой элиты в первой половине XII в. Наиболее раннее упоминание о таком событии относится к правлению хорезмшаха Абу-л-Фатха Ир-Арслана (1156–1172) и связано с выходцами из племени карлуков. «Что касается Инанджа, то хорезмшах Ил-Арслан отправил к нему большую часть своего войска и приказал провести весну в Джурджане, пока кони не будут откормлены, а затем двинуться в Ирак. Он назначил командиром войск Шамс ал-Мулка сына Хусайна ‘Аййар-бека³ – одного из карлукских эмиров (الامرا القرلقية) и кочевников

³ В тексте рукописи его читается все-таки иначе: شمس الملك بن حسين عمار بك – Д.Т.

Мавераннахра. Его отец захватил Самарканд, а затем подвергся нападению кочевников хитай. В сражении он был убит, а этот его сын бежал в Хорезм. Хорезмшах встретил его с честью и почетом, окружил его вниманием и милостью. Он выдал за него свою сестру и сделал его командующим своих войск» [ал-Хусайни, 1980, с. 131–132, л. 836]. Как нами было отмечено в более раннем исследовании, речь идет о событиях 1163–1164 гг., когда карлуки были разбиты в Мавераннахре и часть из них была вынуждена мигрировать в Хорезм [Тимохин, 2024(1)].

Упомянутый династический брак вряд ли мог иметь существенные последствия для Хорезмийской державы: кроме данного примера мы не находим в составе мусульманской историографии других случаев включения представителей карлукского племенного союза в состав военной и административной элиты Хорезма. Вероятнее всего, это стоит объяснять тем, что после разгрома карлуков в Мавераннахре их присутствие здесь существенно сократилось, на что прямо указывают Ибн ал-Асир и ал-Катиб ал-Самарканди [Ibn al-Athir, 1876, §. 206; Ибн ал-Асир, 2006, с. 268; Бартольд, 1898, с. 71]. С учетом этих сведений вероятность того, что большое количество карлуков могло перейти на хорезмийскую службу, крайне невелика. В таком случае подобный династический союз не может быть объяснен тем, что за счет него предполагалось укрепить военную или политическую мощь Хорезма. Вероятнее всего, действия хорезмшаха Ил-Арслана в этом случае можно объяснить иным образом: между ним и карлуками были выстроены тесные связи еще до событий 1163–1164 гг., и данный династический брак мог стать их прямым следствием [Qazvini, 1903, p. 377].

Другой пример династического брака, который гораздо чаще упоминается в мусульманских источниках, равно как и современными исследователями [Тимохин, Тишин, 2018], относится ко времени правления сына хорезмшаха Ил-Арслана – ‘Ала’ ад-Дина Текиша (1172–1200). Последний был женат на представительнице кочевой тюркской элиты, известной в историографии под лакабом Теркен-хатун (ترکان خاتون) [*Ta’rikh-i-Jahān-gushā*, 1916, §. 198, f. 110a]. Несмотря на то, что ее племенная принадлежность была до определенного момента предметом дискуссии, прежде всего по причине того, что мусульманские авторы упоминали различные кочевые объединения, к которым она принадлежала, можно смело настаивать на ее связи с племенным союзом кыпчаков [Тимохин, Тишин, 2018]. Прямым следствием этой связи станет усиление кыпчакского присутствия в хорезмийской армии, так что можно даже сделать предположение о том, что хорезмшах Текиш вынужден был расселять излишки военной силы вдоль северных границ своей державы: «Те из них (кыпчаков. – Д.Т.), кто в бедственном положении находился, направились бы нести службу его милости (т.е. ‘Ала’ ад-Дина Текиша. – Д.Т.) в пределы Дженда» [al-Bagdadi, 1937, §. 158]. Впрочем, к данному предположению и цитате мы вернемся еще раз чуть ниже. Определенную ясность в отношении династических браков правителей Хорезма мог бы внести ан-Насави, который утверждал, что хорезмшахи всегда брали себе в жены представительниц элиты кыпчакского племенного союза. «Кипчакские племена были связаны с этим домом (хорезмшахов) дружбой и любовью, так как и в давние времена и ныне у них рождались дети только от матерей из числа посватанных и введенных в этот дом дочерей кыпчакских владык. Поэтому Чингиз-хан и его сыновья сделали все для полного уничтожения кыпчаков, так как те были опорой силы хорезмшахов, корнем их славы и основой многочисленности их войск» [ан-Насави, 1973, с. 220].

К сожалению, подобные сведения не находят подтверждения в более ранних мусульманских сочинениях XII в., что делает замечания ан-Насави несколько менее вероятными, однако одно косвенное подтверждение этому все-таки можно найти. Если вспомнить лакаб жены хорезмшаха Текиша, «Теркен-хатун», то можно найти еще один такой пример – его носила супруга Ил-Арслана [Ibn-el-Athir, 1876, §. 248; Ибн ал-Асир, 2006, с. 270;]. Однако

полагаться на это свидетельство можно лишь с большой осторожностью: вероятно, жена хорезмшаха Ил-Арслана была тюркского происхождения, однако это еще не может быть доказательством ее связи именно с кыпчаками. Более того, подобный лакаб встречается и у жен сельджукских правителей более раннего времени, например султана Малик-шаха (1072–1092), однако мусульманские авторы указывают при этом лишь на тюркское происхождение, а не на конкретное кочевое племя или племенное объединение: «А вторая причина была та, что она была из тюркских царей. Говорили, что она из рода Афрасийаба» [ал-Хусайни, 1980, с. 77–78].

Возвращаясь к жене хорезмшаха Текиша отметим, что именно этот брак существенно усилил кыпчакское присутствие не только в армии, но и в административной системе Хорезма, поскольку родственники Теркен-хатун занимали посты наместников в различных регионах расширяющейся Хорезмийской державы. Особенно заметен данный процесс уже в годы правления следующего хорезмшаха – ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада (1200–1220) [ан-Насави, 1973, с. 87]. Негативные последствия этого явления были понятны уже современникам указанного выше правителя Хорезма, так что тот же ан-Насави неоднократно указывает на дестабилизацию обстановки внутри державы, сепаратизм наместников и даже открыто жалеет о том, что хорезмшахи в военном и административном отношении во многом полагались именно на выходцев из кочевой среды восточного Дешт-и Кыпчака [ан-Насави, 1973, с. 126]. Впрочем, такая ситуация внутри Хорезмийской державы накануне монгольского нашествия сложилась не только по причине династических браков и, как следствие этого, перехода на службу к хорезмшахам новых объединений кочевников. При этом у правителей Хорезма были и иные механизмы инкорпорирования.

ПАТРОНАЖ

Привлечение кочевников на хорезмийскую службу могло осуществляться и за счет патронажа, который оказывался со стороны хорезмшаха тому или иному племенному объединению. Подтверждением этому отчасти может служить уже приведенный выше пример с карлуками: сравнительно поздний мусульманский историк, Хамдаллах Казвини, указывает на то, что хорезмшах Ил-Арслан выступал в качестве покровителя карлуков в их противостоянии с региональными правителями Мавераннахра и даже сумел предотвратить первое столкновение между ними [Qazvini, 1903, p. 377]. Впрочем, данный механизм использовали не только правители Хорезма, поскольку в более ранний период, по данным отдельных мусульманских историков, покровителями карлуков были кара-китаи, выступившие вместе с ними против сельджукского султана Му‘изз ад-Дина Абу-л-Хариса Ахмада Санджара (1118–1157), с которым ни карлуки, ни кара-китайские правители не сумели наладить дипломатический диалог [Ibn-el-Athir, 1876, s. 56; Ибн ал-Асир, 2006, с. 245–246].

Здесь стоит обратить внимание на то, что подобный патронаж мог осуществлять не только сам правитель Хорезма, но и представители его окружения, прямым доказательством чего станет ситуация внутри Хорезмийской державы при последнем правителе, ‘Ала’ ад-Дине Мухаммаде. Упомянутая Теркен-хатун, мать этого хорезмшаха, сумела расставить на ключевые посты в военном и административном аппарате Хорезма своих родственников, что опять же свидетельствует в пользу того, что осуществляемый с ее стороны патронаж в отношении представителей кыпчакского племенного союза способствовал усилению инкорпорирования бывших кочевников в систему оседлой политики. «А султан (‘Ала’ ад-Дин Мухаммад. – *Д.Т.*) никогда не противоречил, когда она (Теркен-хатун. – *Д.Т.*) приказывала – ни в малых делах, ни в больших, ни в серьезных, ни в маловажных – по двум причинам: во-первых, из-за родительской любви, которую она уделяла ему, и, во-вторых, из-за того,

что большинство эмиров государства были из ее рода» [ан-Насави, 1973, с. 73]. Эта цитата подтверждает и тот факт, что данный механизм, если и имел положительные последствия на раннем этапе, накануне монгольского нашествия нес в себе уже губительные последствия для Хорезмийской державы, внося раскол в систему государственного управления и формируя таким образом двоевластие.

Другим ярким примером, свидетельствующим об использовании политики патронажа представителями хорезмийской правящей элиты в отношении кочевников, будет рассказ из сочинения Ата-Малика Джувейни «Тарих-и джахангушай». Правда, он связан уже с более поздними событиями и иным регионом, а именно Южным Кавказом: согласно рассказу этого историка, Джалал ад-Дин Макибурны, последний представитель династии Ануштегинидов, перед столкновением с грузинской армией направил посла к кыпчацким отрядам, которые выступали на стороне его противников. «Когда войско грузин достигло армии султана, то они начали одевать доспехи, [готовясь к сражению], а султан поднялся на холм и оттуда увидел флаги и штандарты кыпчаков (قنچاق), которых было двадцать тысяч человек. Султан к ним отправил Кошкара и дал ему с собой лишь хлеб и соль для них. И, когда тот доехал до позиций кыпчаков, то сказал им – разве справедливо это? Когда в годы правления моего отца, они были скованные и унижены, Султан по великой своей милости даровал им избавление и перед отцом своим был заступником за них. Неужели теперь они решили против меня обнажить мечи? Войско кыпчаков по этой причине покинуло свои позиции и встало в стороне, окончательно решив [не сражаться]» [*Ta'rikh-i Jahân-gushâ*, 1916, §. 172, f. 1036–104a]. В этой цитате напрямую говорится о протекции и заступничестве со стороны Джалал ад-Дина в отношении кыпчаков: вероятнее всего, как нами было отмечено в более раннем исследовании, речь идет о какой-то части кыпчацкого племенного союза, который в годы правления 'Ала' ад-Дина Мухаммада попал в опалу [Тимохин, 2024(2)]. Этот факт свидетельствует в пользу того, что далеко не все представители кочевого объединения были в равной степени успешно инкорпорированы в состав военной и административной системы Хорезмийской державы. При этом, вероятнее всего, покровительство кочевникам могли оказывать абсолютно разные представители правящей династии, что еще больше усложняло внутреннюю обстановку в государстве и приводило к столкновению между самими «патронами», как это и было между упомянутым Джалал ад-Дином Манкбурны и Теркен-хатун [ан-Насави, 1973, с. 85].

КОНТРОЛЬ НАД «ФРОНТИРОМ»

В данном случае под «фронтиром» мы понимаем территории, связывающие области с оседлым населением и кочевым населением, то есть некое пограничье, играющее при этом огромное значение для экономического и политического развития обеих культур. В случае с Хорезмийской державой к «фронтиру» можно отнести Мангышлак, Дженд и прилегающие к ним территории. Их значимость, очевидно, подчеркивает тот факт, что все эти регионы стали объектом хорезмийской военной политики уже при ранних правителях из династии Ануштегинидов: так, уже Кутб ад-Дин Мухаммад (1097–1127) вынужден был отражать натиск кочевников, пришедших с Мангышлака [Ibn-el-Athir, 1864, §. 183; Ибн ал-Асир, 2006, с. 232;], а его сын, 'Ала' ад-Дин Атсыз (1127/1128–1156) полностью покорил этот регион, так что более ни о каких угрозах со стороны тюркских племенных объединений, связанных с Мангышлаком, мусульманские историки при описании истории Хорезма не сообщают [Ibn-el-Athir, 1864, §. 183; Ибн ал-Асир, 2006, с. 233; *Материалы по истории туркмен*, 1939, с. 435]. Вероятнее всего, военные действия этого хорезмшаха против кочевников, проживавших на Мангышлаке, можно объяснить не только желанием ликвидировать угрозу

собственным владениям, но и торговым интересам Хорезма, поскольку, по свидетельству отдельных мусульманских авторов, проживавшие здесь тюркские племена активно занимались пиратством и в целом грабежом торговых караванов [*Hudud al-'Alam*, 1970, p. 60, f. 5b]. При этом у нас нет никаких свидетельств о том, что завоевание Мангышлака сыграла какую-либо роль в процессе инкорпорирования представителей тюркских племен в состав военной и административной системы Хорезмийской державы. Однако того же нельзя сказать в отношении Дженда и прилегающих к нему территорий, завоевание которых имело очевидно иные последствия для истории Хорезма и его правителей.

Прежде всего, обратим внимание на то, что присутствие тюркских племен в прилегающих к указанным городам землях является общим местом в мусульманских исторических и географических сочинениях. Так, анонимный автор «Худуд ал-'Алам» пишет о Дженде: «Джанд, Х.вара, Дих-и Нау («Новое поселение») – три города, расположенные на берегу реки Чач (пишется: Джәдж), на расстоянии 10 почтовых переходов (манзил) от Хорезма и 20 почтовых переходов от Парāб. Правитель гүззов остается на зиму в упомянутом поселении Дих-и Нау» [*Hudud al-'Alam*, 1970, p. 122, f. 26a]. Справедливости ради, стоит отметить, что ранние мусульманские авторы рассматривали и всю область Хорезма в качестве «пограничья» между кочевым и оседлым мирами. Так, уже С.П. Толстов в своей классической работе приводил следующую цитату из того же «Худуд ал-'Алам» относительно хорезмийского города Кят: «Кас (Кят) – главный город Хорезма, ворота в Туркестан Гузский, складочное место товаров тюрков, Туркестана, Мавераннахра и области хазаров, место стечения купцов» [Толстов, 1948, с. 14]. У Абу Исхака ал-Истахри можно найти такие сведения о Гургандже, который и при Ануштегинидах был столицей всего Хорезма. «Джурджания (Ургенч) – это самый большой город в Хорезме после столицы; он место торговли с гузами и оттуда отправляются караваны в Джурджан, к хазарам и в Хорасан» [Толстов, 1948, с. 14]. Так что вполне вероятно, что агрессивная политика ранних хорезмийских правителей была вызвана не только экономическими или военными причинами, но и желанием подчинить весь так называемый «фронт» своей власти.

Возвращаясь к истории с захватом Дженда, обратим внимание на то, что первые походы с целью его подчинения были предприняты уже хорезмшахом 'Ала' ад-Дином Атсызом, который совершил несколько кампаний против этого города. Однако даже после этого его власть в этих землях не была достаточно прочной⁴, так что он был вынужден оставить здесь в качестве наместника своего старшего сына – будущего хорезмшаха Абу-л-Фатха Ил-Арслана (1156–1172). Именно последний, по всей видимости, окончательно включил Дженд и прилегающие к нему территории в состав Хорезмийской державы, используя для этого в том числе и силовые средства [Буниятов, 1986, с. 32]. Стоит также отметить, что уже первые попытки хорезмийских правителей утвердить свою власть в этих землях столкнулись с отчаянным сопротивлением упомянутого сельджукского султана Санджара [*Histoire des seldjoucides*, 1889, s. 177; Бартольд, 1898, с. 40]. Султан Санджар совершил несколько карательных походов против хорезмшаха Атсыза, мотивируя это тем, что по воле хорезмийского правителя «... в пределах Мангышлака и Дженда в разное время вплоть до границ их была им пролита кровь, и народ гуззов и имевшие с ними отношения мусульмане были им в этих землях умерщвлены» [Бартольд, 1898, с. 44]. Вряд ли стоит всерьез считать,

⁴ При этом весьма любопытна цитата из «фатх-наме» хорезмшаха Атсыза, которую приводит в своем исследовании З.М. Буниятов: «Вслед за этим посланием и окончательным захватом области Дженд, когда сюда будет назначен надежный и доверенный человек с добрым нравом, из числа помощников нашего государства, и управление этой областью будет поручено ему, мы отправимся в столицу государства, в местопребывания нашего счастья, дабы все жили спокойно и считали Хорезм и Дженд одним государством (курсив мой. – Д.Т.)...» [Буниятов, 1986, с. 19].

что сельджукского правителя волновала судьба местного населения, тем более отдаленного Мангышлака, в то же время остается без ответа вопрос, что именно в действиях хорезмшаха Атсыза заставила султана Санджара бросить свои военные силы против Хорезма. В связи с этим необходимо понять, какую роль играл Дженд в составе Хорезмийской державы уже после его завоевания и как это связано с кочевыми тюркскими племенами восточного Дешт-и Кыпчака.

Отдельные сюжеты в отношении истории Дженда мы рассматривали в специальном исследовании и здесь обратим внимание на важнейшие для настоящей статьи моменты [Тимохин, 2019]. Сам по себе захват этого города позволил хорезмийским правителям, начиная с того же хорезмшаха Атсыза, совершать походы вглубь территорий Дешт-и Кыпчака, ликвидируя таким образом угрозу для собственных владений. В частности, сведения о такого рода военных предприятиях можно найти в анонимном персидском сочинении 1133 г.: «Хорезмшах с многочисленным войском [направился] в сторону границы с неверными, которые были многочисленны и знамениты, и, захватив Дженд, вглубь Туркестана [после этого] направился, пренебрегая опасностями [этого предприятия]. И с царем и предводителем, который среди неверных считался величайшим, [там] столкнулся и Всевышний Господь, милостивый и щедрый, даровал ему победу [над ним] и сделал так, что те неверные потерпели поражение и обратились в бегство, и многие из них были убиты. В тот день многочисленные трофеи и богатства для себя приобрел, а для границ своих владений добился мира» [Бартольд, 1898, с. 37]. Впрочем, Дженд использовался в качестве плацдарма для наступательных операций вглубь Дешт-и Кыпчака и более поздними правителями Хорезма – достаточно вспомнить сравнительно менее успешные военные кампании при хорезмшахах ‘Ала’ ад-Дине Текише (1172–1200) [*Ta’rikh-i-Jahán-gushá*, 1916, §. 24–25, f. 77a–776] и ‘Ала’ ад-Дине Мухаммаде (1200–1220) [Khondamir, 1954, j. 2, §. 649]. Однако, с нашей точки зрения, Дженд играл отнюдь не только роль плацдарма для наступления – его значение для Хорезмийской державы было гораздо более многогранным и не ограничивалось лишь военным аспектом.

Здесь необходимо вспомнить прежде всего о традиции, которая сложилась у хорезмийских правителей, начиная с хорезмшаха Атсыза, а именно – о назначении старшего из сыновей в качестве наместника в Дженд. Эту роль в годы правления Атсыза выполнял его старший сын, Ил-Арслан, который, в свою очередь, когда пришел к власти, сделал то же самое, и наместником Дженда стал уже его старший сын – ‘Ала’ ад-Дин Текиш. Можно предположить, хотя в источниках и нет прямого на это указания, что и ‘Ала’ ад-Дин Мухаммад мог при жизни отца выполнять подобные функции. Однако если в отношении Ил-Арслана и Текиша мусульманские историки четко указывают на то, что они в момент смерти своих отцов находились наместниками в Дженде, то Мухаммад был направлен своим отцом против исмаилитов Аламута и весть о смерти последнего он получил именно в момент ведения этой военной кампании [Ибн ал-Асир, 2006, с. 287]. Указанная традиция сама по себе требует внимательного изучения и может интерпретироваться различным образом, но нам видится, что именно Дженд во второй половине XII в. становится для хорезмийских правителей чем-то вроде «ворот в Туркестан Гузский», каковым был Кят в сочинениях более ранних мусульманских авторов: через него велась основная торговля с кочевыми тюркскими племенами восточного Дешт-и Кыпчака и через этот город, что для нас крайне важно, шел набор кочевников на хорезмийскую службу. Именно по этой причине хорезмшахи старательно оберегали этот город от любой внешней угрозы и стремились удержать власть над ним, используя для этого любые средства, включая отправку туда своих старших сыновей.

Для аргументации подобной точки зрения можно привести указания отдельных мусульманских историков второй половины XII в. на то, что в самом начале борьба за власть

с собственным братом, Султан-шахом Махмудом, Текиш получил поддержку со стороны тюркских племен именно в Дженде [al-Qummi, 1985/1363, §. 235]. Несмотря на то, что Ибн ал-Асир указывает на помощь Текишу со стороны кара-китаев, это не отменяет возможность поддержки со стороны кочевых тюркских племен, которую Текиш получал через Дженд [Ibn-el-Athir, 1876, §. 248; Ибн ал-Асир, 2006, с. 270–271]. Так или иначе, поддержка, которую обрел Текиш от кара-китаев и тюркских кочевников, напрямую связана с Джендом, что позволяет также иначе интерпретировать приведенную выше цитату из труда Баха ад-Дина ал-Багдади [al-Bagdadi, 1937, §. 158]. В данном случае речь может идти о тех представителях кыпчакского племенного объединения, которые находились в «бедственном положении» в пределах самого Дешт-и Кыпчака. То есть перед нами что-то вроде призыва к кочевникам, причем весьма конкретного племенного союза, наниматься на хорезмийскую службу и нести ее в пределах Дженда, что позволяет считать этот город и чем-то вроде места их сбора. С учетом того, что пишет ан-Насави в приведенной цитате о союзе между хорезмийскими правителями и кыпчаками, который скреплялся династическими браками, данное утверждение получает дополнительную доказательную базу. Таким образом, на фоне близких отношений между династией Ануштегинидов и кочевой элитой кыпчакского племенного союза происходит инкорпорирование его рядовых представителей в состав хорезмийской армии, которое ведется через Дженд и прилегающие к нему территории. Сложно точно представить масштабы подобного процесса, но с учетом свидетельств того же ан-Насави большая часть армии и военачальников в годы правления ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада были представителями кочевых тюркских племен, что говорит в пользу того, что масштабы кыпчакской миграции были поистине огромны. Так что если в более ранний период, согласно приведенной выше цитате, Кят – это «ворота в Туркестан Гузский», то во второй половине XII – начале XIII в. Дженд можно вполне справедливо называть «воротами в Туркестан Кыпчакский».

ВЫВОДЫ

Подводя итоги, хотелось бы прежде всего подчеркнуть, что хорезмийские правители в течение XII – начала XIII в. использовали различные механизмы для инкорпорирования выходцев из кочевой тюркской среды в состав военной и административной системы собственной державы. Ключевым из них, с нашей точки зрения, следует признать контроль над так называем «фронтиром», то есть территорией соприкосновения кочевой и оседлой цивилизации, к которому относились земли Мангышлака и Дженда. При этом в случае с первым мы имеем дело с военной экспансией, осуществленной хорезмшахом Атсызом, которая привела, по-видимому, к полному истреблению или изгнанию кочевых объединений, проживавших в этом регионе. Последнее наиболее вероятно, поскольку находит свое подтверждение у Мухаммада Наджиба Бакрана, упоминавшего о переселении из этих мест части племенного союза «йазыр», которых он маркирует как «мангышлаки» [Бакран, 1960, л. 17а]. Что же касается Дженда, то, с нашей точки зрения, он становится для Хорезма чем-то вроде ворот в кочевой мир, которые они использует и в экономических интересах, и с целью призыва на свою службу представителей кочевых объединений. Значимость Дженда для Хорезмийской державы подчеркивают с одной стороны слова самого хорезмшаха Атсыза, которые были приведены в комментарии выше, а с другой – целый ряд исторических фактов: попытки султана Санджара уничтожить хорезмийское могущество сразу после захвата Дженда, отправка в этот город в качестве наместников старших сыновей хорезмшахов, поддержка тюркских племен, которую получает Текиш будучи наместником этих земель сразу после смерти своего отца – хорезмшаха Ил-Арслана.

Контроль над «фронтиром» гарантировал постоянный приток желающих нести военную службу в Хорезме, вероятнее всего, в качестве рядовых воинов или на низовом командном уровне. В тоже время использование иных механизмов позволяло хорезмшахам включать в состав военной и административной системы представителей кочевой элиты. Если династические браки как механизм инкорпорации гораздо реже упоминается мусульманскими историками и географами, хотя определенные примеры этого мы постарались продемонстрировать, то патронаж, особенно при поздних хорезмийских правителях, упоминается в источниках гораздо чаще. Как уже было отмечено выше, данный механизм использовал не только правитель Хорезма, но и его приближенные: некоторые из них сами были выходцами из кочевой среды, как упомянутая нами Теркен-хатун, мать 'Ала' ад-Дина Мухаммада, которая назначала на ключевые посты в государстве своих родственников или же верных ей представителей кочевой аристократии. Пока Хорезм вел активные завоевания, подобным образом инкорпорированные в состав, прежде всего, его военной системы представители кочевого мира имели постоянный доступ к добыче и новым землям, и ситуация находилась под контролем. Однако как только активные завоевания прекратились, мы наблюдаем определенный сепаратизм со стороны тюркских наместников и военачальников, и здесь наилучшим примером станет «Отрарский инцидент» [ан-Насави, 1973, с. 79; Рашид ад-Дин, 2002, с. 188; Ибн ал-Асир, 2006, с. 348] – одна из главных причин войны с монголами, которая погубила Хорезмийскую державу и правившую в ней династию Ануштегинидов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Агаджанов С.Г. *Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв.* Ашхабад: Ылым, 1969 [Agadzhanov S.G. *Essays on the History of the Oghuz and the Turkmens of Central Asia, 9th–13th centuries.* Ashkhabad: Ylym, 1969 (in Russian)].

Ибн ал-Асир. *«Ал-Камил фи-т-тарих» «Полный свод по истории». Избранные отрывки.* Пер. П.Г. Булгакова, Ш.С. Камолиддина. Ташкент: Узбекистан, 2006 [Ibn al-Athir. “*Al-Kamil fi-t-Tarikh*” – “*Full Arch of History*”. *Selected Passages.* P.G. Bulgakov, S.S. Kamoliddin (tr.) Tashkent: Uzbekistan, 2006 (in Russian)].

Ахинжанов С.М. *Кипчаки в истории средневекового Казахстана.* Алма-ата: Гылым, 1995 [Akhinzhonov S.M. *Qipchaks in the History of Medieval Kazakhstan.* Alma-Ata: Gylym, 1995 (in Russian)].

Мухаммад ибн Наджиб Бакран. *Джахан-наме («Книга о мире»).* Издание текста, введение и указатели Ю.Е. Борщевского. М.: ГРВЛ, 1960 [Muhammad ibn Najib Bakran. *Jahan-nameh* (“*The Book of the World*”). Yu. E. Borshchevsky (ed.) Moscow: GRVL, 1960 (in Persian)].

Бартольд В.В. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Часть первая. Тексты.* СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1898. [Bartold V.V. *Turkestan during the Mongol Invasion. Part I. Texts.* Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1898 (in Arabic and Persian)].

Бартольд В.В. *Очерк истории Семиречья.* Бартольд В.В. *Сочинения. Т. II. Ч. I. Общие работы по истории Средней Азии.* М.: Наука, 1963(1). С. 23–109. [Bartold V.V. *An Essay on the History of Semirechye.* Bartold V.V. *Essays. Vol. II. Part I. General Works on the History of Central Asia.* Moscow: Nauka, 1963(1). Pp. 23–109. (in Russian)].

Бартольд В.В. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия.* Бартольд В.В. *Сочинения.* М.: Наука, 1963(2) [Bartold V.V. *Turkestan during the Mongol Invasion.* Bartold V.V. *Works.* Moscow: Nauka, 1963(2) (in Russian)].

Бартольд В.В. *Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии.* Бартольд В.В. *Сочинения. Т. V. Работа по истории и филологии тюркских и монгольских народов.* М.: Наука, 1968. С. 19–195 [Bartold V.V. *Twelve Lectures on the History of the Turkish Peoples of Central Asia.* Bartold V.V. *Works. Vol. V. Work on the History and Philology of the Turkic and Mongolian Peoples.* Moscow: Nauka, 1968. Pp. 19–195 (in Russian)].

Буниятов З.М. *Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов 1097–1231 г.* М.: Наука, 1986 [Buniyotov Z.M. *The Khorezm state of Anushteginids, 1097–1231.* Moscow: Nauka, 1986 (in Russian)].

Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. Арабские и персидские источники VII–XV вв. Под ред. С.Л. Волина, А.А. Ромаскевича и А.Ю. Якубовского. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1939 [Materials on the History of Turkmens and Turkmenistan. T. I. Arabic and Persian sources of the 7th - 15th centuries. S.L. Volin, A.A. Romaskevich, A.Y. Yakubovskiy (eds.) Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR, 1939 (in Russian)].

ан-Насави, Шихаб ад-Дин Мухаммад. *Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны*. Пер. З.М. Буниятов. Баку: Элм, 1973 [an-Nasawi, Shihab al-Din Muhammad. *The Biography of Sultan Jalal al-Din Mankburny*. Z.M. Buniyotov (tr.) Baku: Elm, 1973 (in Russian)].

Тимохин Д.М. Представители тюркских кочевых племен в государственной и военной системе Хорезме XII – начала XIII в. *Труды Института востоковедения РАН. Вып. 7: Тюркские кочевники в Азии и Европе: цивилизационные аспекты истории и культуры*. Отв. ред. и сост. Д.Д. Васильев. М.: ИВ РАН, 2018. С. 182–194 [Timokhin D.M. The Representatives of the Turkic Nomadic Tribes in the State and Military System of Khorezm of XII – Beginning of XIII Century. *Works of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Issue 7: Turkic Nomads in Asia and Europe: Civilizational Aspects of History and Culture*. Ed. and comp. D.D. Vasiliev. Moscow: IOS RAS, 2018. Pp. 182–194 (in Russian)].

Тимохин Д.М. О роли городов во взаимодействии Хорезма и кочевых племен Дешт-и Кыпчака в конце XI–XII веков на примере Джэнды. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019. № 3(9). С. 134–142 [Timokhin D.M. On the Role of Cities in the Interaction of Khorezm and the Nomadic Tribes of Desht-i Kipchak at the End of the XI–XII Centuries on the Example of Jend. *Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2019. No. 3(9). Pp. 134–142 (in Russian)].

Тимохин Д.М. Мусульманские источники о связях Хорезма, Дешт-и Кыпчака и Поволжья в XII в. *Восток (Oriens)*. 2022. No. 4. С. 114–124 [Timokhin D.M. Muslim Sources on the Connections of Khorezm, Desht-i Kipchak and the Volga Region in the XII Century. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 4. Pp. 114–124 (in Russian)].

Тимохин Д.М. Кочевые тюркские племена и их роль в политической истории Мавераннахра в XII в.: на примере карлуков. *Восток (Oriens)*. 2024(1). № 1. С. 59–69 [Timokhin D.M. Nomadic Turkic Tribes and Their Role in Political History of Transoxiana in XII Century: On the Example of Qarluks. *Vostok (Oriens)*. 2024(1). No. 1. Pp. 59–69 (in Russian)].

Тимохин Д.М. Кыпчаки на Южном Кавказе: на примере одного из эпизодов биографии Хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны. *История, археология и этнография Кавказа*. 2024(2). Т. 20. No. 1. С. 6–20 [Timokhin D.M. Kipchaks in the South Caucasus: An Episode from the Biography of Khwarazmshah Jalal al-Din Mangburni. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2024(2). Vol. 20. No. 1. Pp. 6–20 (in Russian)].

Тимохин Д.М., Тишин В.В. Происхождение Теркен-хатун, матери хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада: к проблеме соотношения этнонимов в восточном Дешт-и Кыпчаке в XII – начале XIII вв. в исторических источниках. *Материалы II-й научной конференции средневековой истории Дешт-и Кыпчака*. Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2018. С. 83–103 [Timokhin D.M., Tishin V.V. The Origin of Terken-Khatun, Mother of the Khorezmshah Al al-Din Muhammad: To the Problem of the Correlation of Ethnonyms in Eastern Desht-i Kipchak in the XII – early XIII Centuries in Historical Sources. *Proceedings of the 2nd Scientific Conference on the Medieval History of Desht-i Kipchak*. Pavlodar: TOO NPF “EKO”, 2018. Pp. 83–103 (in Russian)].

Тимохин Д.М. Тишин В.В. Хорезм, восточные кыпчаки и Волжская Булгария в конце XII – начале XIII вв. *Золотая Орда в мировой истории*. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 25–41 [Timokhin D.M. Tishin V.V. Khorezm, Eastern Kipchaks and Volga Bulgaria in the Late XII – Early XIII Centuries. *The Golden Horde in World History*. A collective monograph. Kazan: Institut istorii im. Sh. Marjani AN RT, 2016. Pp. 25–41 (in Russian)].

Толстов С.П. *Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования*. М.: 16-я тип. треста "Полиграфкнига", 1948 [Tolstov S.P. *Ancient Khorezm. The Experience of Historical and Archaeological Research*. Moscow: 16-ya tip. Tresta "Poligrafkniga", 1948 (in Russian)].

Садр ад-Дин 'Али ал-Хусайни. *Ахбар ад-Даулат ас-Селджукиййа (Зубдат ат-таварих фи ахбар ал-умара ва-л-мулук ас-селджукиййа) («Сообщения о Сельджукском государстве». «Сливки летописей, сообщающих о сельджукских эмирах и государях»)*. Пер. З.М. Буниятов. М.: Восточная литература, 1980 [Sadr ad-Din 'Ali al-Husayni. *Ahbar ad-Daulat as-Seldzhukijja (Zubdat at-tavarikh fi ahbar al-umara va-l-muluk as-seldzhukijja)* ("Reports on the Seljuk state". "The Cream of Chronicles, telling about the Seljuk emirs and lords"). Z.M. Buniyatov (tr.) Moscow: Vostochnaya literatura, 1980 (in Russian)].

al-Bagdadi, Baha ad-Din Mohammad. *at-Tavassul ila at-Tarassul*. Tehran: Ketabhaneyye Ahmad Bahmanyar, 1937 (in Persian).

Golden P.B. *An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East*. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1992.

Histoire des seldjoucides de l'Iraq par al-Bondari d'après Imad ad-din al-Katib al-Isfahani. *Recueil de textes relatifs à l'histoire des seldjoucides*. M.Th. Houtsma (ed.) Vol. II. Leiden: E.J. Brill, 1889 (in Arabic).

Ḥudūd al-'Ālam: "The Regions of the World", A Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D. 2nd ed. With the preface by V.V. Barthold translated from the Russian and with additional material by the late Professor Minorsky. C.E. Bosworth (ed.) London: Luzac, 1970.

Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur. Vol. 10. Annos H. 451– 527. Ed. by C.J. Tornberg. Leiden and Uppsala: E.J. Brill, 1864 (in Arabic).

Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur. Vol. 11. Annos H. 527– 583. C. J. Tornberg (ed.) Leiden, Uppsala: E.J. Brill, 1876 (in Arabic).

Kafesoğlu I. *Harezmşahlar devleti tarihi (485–617/1092–1229)*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basimevi, 1956 (in Turkish).

Khondamir. *Tarih-e habib*. Tehran: Ketabhaneye Hayyam, 1954. J. 1–3 (in Persian).

Qazvini Hamdallah. *Târikhè gozîdè: les dynasties persanes pendant la période musulmane depuis des Saffârides jusques et y compris les Mogols de la Perse en 1330 de notre ère*. J. Gantin (tr.) Paris: J. Maisonneuve et E. Guilmoto, 1903.

al-Qummi Najm al-Din Abu l-Riza'. *Tarih al-Wuzara*. Muhammed Taki Dânish-Pazûh (ed.) Tehran: Muassase-i Mutalaat va Tahkikat-ı Farhangi, 1985/1363 (in Persian).

Ta'rikh-i-Jahân-gushâ of 'Alâ'u d-Dîn 'Aṭa Malik-i Juwaynî (composed in A.H. 658 = A.D. 1260). M. Qazvîni (ed.) Leiden: E.J. Brill; London, Luzac & Co., 1916 (in Persian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ТИМОХИН Дмитрий Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Dmitriy M. TIMOKHIN, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.